

УДК 811.161.1:37(47+575.1)
Оригинальная научная статья

DOI:10.22394/2225-8272-2026-15-1-2
EDN DINYZT

СТАТУС РУССКОГО ЯЗЫКА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПОСЛЕ РАСПАДА СССР В РОССИИ И УЗБЕКИСТАНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Э. Ф. Киреева

Российский государственный университет имени А. И. Герцена, Ташкентский филиал
Адрес: 100070, Узбекистан, г. Ташкент, ул. Бабура, д. 55

Поступила
в редакцию
21.11.2025

Поступила
после
рецензирования
21.02.2026

Принята
к публикации
25.03.2026

Аннотация. Цель исследования – рассмотреть исторический нарратив отношения к русскому языку как иностранному в системах высшего образования России и Узбекистана во второй половине XX – начале XXI века. Автор стремится выявить общие закономерности и национальную специфику этого процесса в меняющихся историко-политических условиях.

Проблема. Проблематика исследования включает в себя критическое осмысление процесса трансформации статуса и функций русского языка в образовательном пространстве двух стран после распада СССР. Поднимается вопрос о том, как изменились цели, методики обучения и контингент обучающихся, а также каким образом исторически сложившаяся языковая ситуация в Узбекистане влияет на современные образовательные стратегии.

Методология работы построена на принципах сравнительно-исторического и социолингвистического анализа. В качестве материалов привлекаются нормативные документы, учебные программы, статистические данные и научные публикации соответствующего периода. Источниками выступили как архивные материалы, так и современные образовательные стандарты России и Узбекистана.

Новизна исследования видится в комплексном, диахроническом сопоставлении двух национальных образовательных систем в сфере преподавания русского языка как иностранного во второй половине XX – начале XXI века. Особое внимание уделяется переходу от унифицированной советской модели к национально ориентированным практикам в Узбекистане и поиску новой парадигмы в самой России.

Перспективы исследования связаны с углублённым изучением конкретных методических адаптаций в узбекской аудитории и анализом новой роли русского языка как языка межнационального общения и профессиональной мобильности в Центрально-Азиатском регионе. Подчёркивается важность учёта исторического контекста для построения эффективной современной языковой политики.

Результаты демонстрируют, что пути распространения русского языка в двух странах после 1991 года существенно разошлись. Показано, что в России преподавание русского языка как иностранного развивалось в контексте интернационализации образования и привлечения иностранных студентов. В Узбекистане это преподавание было переориентировано на утилитарные, часто профессиональные цели в рамках билингвальной политики. Автор приходит к выводу о том, что ключевым различием является исходный социолингвистический статус языка, определивший всю дальнейшую образовательную логику.

Ключевые слова: Россия, Узбекистан, вторая половина XX – начало XXI века, русский язык как иностранный, высшее образование, сравнительный анализ, историческая динамика, языковая политика, Узбекистан, постсоветское пространство, социолингвистика

Финансирование: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Для цит.: Киреева, Э. Ф. Статус русского языка в образовательном пространстве после распада СССР в России и Узбекистане во второй половине XX – начале XXI века // Вестник государственного и муниципального управления. – 2026. – Том 15. – № 1. – С. 28–45. – EDN DINYZT.

© Киреева Э. Ф., 2026

THE STATUS OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE EDUCATIONAL SPACE AFTER THE COLLAPSE OF THE USSR IN RUSSIA AND UZBEKISTAN IN THE SECOND HALF OF THE XX – EARLY XXI CENTURY

E. F. Kireeva

Herzen State Pedagogical University of Russia, branch
Address: 55 Babura St, Tashkent, 100070, Uzbekistan

Received
21.11.2025

Revised
21.01.2026

Accepted
25.03.2026

Abstract. The purpose of the study is to conduct a comparative analysis of models and practices of teaching Russian as a foreign language in the systems of higher education of Russia and Uzbekistan in the second half of the XX – early XXI century. The author aims to identify the general patterns and national specifics of this process in changing historical and political conditions.

Problem. The scope of the study includes a critical understanding of the process of transformation of the status and functions of the Russian language in the educational space of the two countries after the collapse of the USSR. The question is raised about the change of the goals, teaching methods and the contingent of students, as well as the way the language situation in Uzbekistan developed historically affects modern educational strategies.

Methodology of the work is based on the principles of comparative historical and sociolinguistic analysis. The materials used are normative documents, curricula, statistical data and scientific publications of the relevant period. The sources were both archival materials and modern educational standards of Russia and Uzbekistan.

Novelty of the research is seen in the complex, diachronic comparison of two national educational systems in the field of teaching Russian as a foreign language in the second half of the XX – early XXI century. Special attention is paid to the transition from the unified Soviet model to nationally oriented practices in Uzbekistan and the search for a new paradigm in Russia itself.

Research perspectives are related to an in-depth study of specific methodological adaptations in the Uzbek audience and the analysis of the new role of the Russian language as a language of interethnic communication and professional mobility in the Central Asian region. The importance of taking into account the historical context for building an effective modern language policy is emphasized.

The results show that the ways of spreading the Russian language in the two countries have significantly diverged since 1991. It is shown that in Russia, teaching Russian as a foreign language has developed in the context of the internationalization of education and the attraction of foreign students. In Uzbekistan, such teaching has been reoriented towards utilitarian, often professional goals within the framework of a bilingual policy. The author comes to the conclusion that the key difference is the initial sociolinguistic status of the language, which determined all further educational logic.

Keywords: Russia, Uzbekistan, the second half of the XX – early XXI century, Russian as a foreign language, higher education, comparative analysis, historical dynamics, language policy, Uzbekistan, post-Soviet space, sociolinguistics

Funding: This study was performed without external funding.

For citations: Kireeva E. F. (2026) The Status of the Russian Language in the Educational Space after the Collapse of the USSR in Russia and Uzbekistan in the Second Half of the XX – Early XXI Century. *Journal of Public and Municipal Administration*. Vol.14, no. 3. p. 28–45. EDN DINYZT.

© Kireeva E. F., 2026

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования статуса русского языка в образовательном пространстве России и Узбекистана после распада СССР определяется глубокими изменениями, которые произошли в языковой политике двух стран на протяжении последних десятилетий. Эта тема находится на пересечении исторической, политической и образовательной проблематики и позволяет рассмотреть исторический нарратив отношения к русскому языку как иностранному в системах высшего образования России и Узбекистана во второй половине XX – начале XXI века.

В советский период на территории Узбекистана сложилась полноценная система образования на русском языке. Русский и узбекский языки имели статус официальных, существовали полные вертикали образования на обоих языках. В советское время в школах было пять часов обязательного обучения русскому языку в неделю, работали русскоязычные телеканалы, газеты и журналы. Русский язык перестал быть исключительно родным языком этнического русского населения: его восприняли как родной многие представители других национальностей – для большинства городских узбеков он стал вторым языком.

С обретением Узбекистаном независимости начался принципиально новый этап. Закон о языках 1989 года провозгласил узбекский язык государственным, русскому отводилась роль языка межнационального общения. Принятый в 1995 году Закон «О государственном языке Республики Узбекистан» уже не упоминал о русском языке, его функционирование фактически ставилось в зависимость от условий проживания носителей. В школах количество часов русского языка сократилось до полутора в неделю, российские телеканалы перестали транслироваться в открытом доступе, начался массовый отток русскоязычного населения.

В Российской Федерации в постсоветский период также происходили сложные процессы. Закон об образовании 1992 года стимулировал возвращение родных языков в школы республик. В общеобразовательных учреждениях страны языками обучения стали 33 языка, еще 47 языков изучались как предмет. При этом степень функционирования республиканских языков зависела от дисперсности проживания носителей – татарский, чувашский, марийский языки использовались в образовании далеко за пределами своих республик. Однако эта политика породила и напряжение. В республиках, особенно в Татарстане и Башкортостане, сложилась ситуация, при которой количество часов на изучение русского языка сокращалось, а на изучение национальных языков увеличивалось, что вызывало многочисленные обращения граждан в органы власти. Конституционный суд в 2004 году подтвердил, что государственные языки республик должны изучаться в соответствии с федеральными образовательными стандартами¹. В 2017 году ситуация в Татарстане была приведена к норме федерального законодательства – гарантированный объем русского языка составил не менее пяти часов в неделю, а изучение татарского языка стало добровольным².

Новейшая история демонстрирует новую динамику. В Узбекистане в 2012 году русский язык вновь разрешили использовать при оформлении документов в органах ЗАГС³. В 2018 году впервые за четверть века прошла конференция с участием преподавателей русского языка школ, колледжей и вузов. Узбекская сторона

¹ Языки Российской Федерации в системе образования. [Электронный ресурс]. – Режим доступа свободный. – URL: <http://iam.duma.gov.ru/node/8/4384/13977> (дата обращения: 10.12.2025).

² «Ситуация вокруг преподавания языков в Татарстане приведена к норме федерального законодательства». [Электронный ресурс]. – Режим доступа свободный. – URL: <https://fedpress.ru/expert-opinion/1903197> (дата обращения: 10.12.2025).

³ Каплун: Узбекистан хочет использовать опыт СССР в обучении русскому языку. [Электронный ресурс]. – Режим доступа свободный. – URL: https://tj.sputniknews.ru/20180926/kaplun-uzbekistan-sssr-russian-yazyk-1026911485.html?mobile_return=yes (дата обращения: 11.12.2025).

заговорила о возвращении к советскому опыту, когда ежегодно до пятисот представителей республики направлялись на факультеты русской филологии в Москву, Ленинград, Воронеж. В Министерстве образования Узбекистана предложили создать Центр русского языка как платформу для совершенствования преподавания¹.

Научная новизна темы заключается в том, что сравнительное изучение статуса русского языка в образовательном пространстве России и Узбекистана позволяет увидеть как общие закономерности постсоветского развития – национальное возрождение, поиск идентичности, языковое строительство, так и специфику каждой страны. Для России это поиск баланса между сохранением единого образовательного пространства и правом народов на изучение родных языков. Для Узбекистана – движение от почти полного вытеснения русского языка к осознанию его практической ценности в условиях массовой трудовой миграции в Россию и необходимости подготовки квалифицированных кадров. Значимость исследования состоит в том, что его результаты позволяют лучше понять механизмы формирования языковой политики и могут быть использованы при выработке образовательных стратегий как в России, так и в странах Содружества.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Проблема определения статуса русского языка в образовательном пространстве после распада СССР требует внимательного рассмотрения в сравнительной перспективе. Россия и Узбекистан представляют собой два полюса постсоветского языкового развития: страна, где русский язык исторически выполнял государственные функции, и независимое государство, перед которым встал вопрос о восстановлении статуса нацио-нального языка. В советский период в Узбекистане сложилась полноценная система образования на русском языке. С обретением **самостоятельности** в Узбекистане был принят закон о языках 1989 года, который провозгласил узбекский язык государственным, а русскому отвёл роль языка межнационального общения. К 1995 году упоминания о русском языке в законодательстве исчезли, его функционирование ставилось в зависимость от условий проживания носителей.

В Российской Федерации, напротив, законодательство 1990-х годов стимулировало развитие национальных языков. Сегодня проблема приобретает новое звучание. В Узбекистане, по данным независимых исследований, 93 % студентов владеют русским языком², а в профессиональной деятельности его используют 40 % преподавателей и чиновников³. Открытие филиалов российских вузов в Ташкенте и других городах усиливает потребность в изучении русского языка. В России же продолжается поиск баланса между сохранением единого образовательного пространства и правом народов на изучение родных языков, что подтверждается решениями Конституционного суда и последующими законодательными изменениями 2017 года. Таким образом, проблематика исследования заключается в необходимости осмысления разнонаправленных векторов языковой политики двух государств, выявления причин и последствий принимаемых решений, а также анализа

¹ Узбекистан хочет использовать опыт Советского Союза при обучении русскому языку. [Электронный ресурс]. – Режим доступа свободный. – URL: https://mail.russkiymir.ru/news/246666/?sphrase_id=1846690 (дата обращения: 10.12.2025).

² Опрос: в Узбекистане сохраняется потребность в изучении русского языка. [Электронный ресурс]. – Режим доступа свободный. – URL: https://www.pravfond.ru/press-tsentr/opros_v_uzbekistane_sokhranyaetsya_potrebnost_v_izuchenii_russkogo_yazyka_8548/ (дата обращения: 12.12.2025).

³ 40 % преподавателей и чиновников Узбекистана используют русский на работе. [Электронный ресурс]. – Режим доступа свободный. – URL: <https://rg.ru/2018/07/11/40-prepodavatelej-i-chinovnikov-uzbekistana-ispolzuiut-russkij-na-rabote.html> (дата обращения: 12.12.2025).

современного состояния русского языка в образовательном пространстве России и Узбекистана.

СТЕПЕНЬ ИЗУЧЕННОСТИ ТЕМАТИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Степень изученности темы определяется наличием ряда исследований, рассматривающих положение русского языка как в Российской Федерации, так и в Узбекистане (Сравнительно-историческое..., 1988). В историографии можно выделить несколько этапов. *Первый этап* (1990-е годы) связан с осмыслением первых шагов языкового строительства в постсоветских государствах. Среди российских исследований необходимо отметить работы В. П. Нерознака, который уже в середине 1990-х годов анализировал языковую ситуацию в стране, акцентируя внимание на нерешенных проблемах государственной политики в области сохранения языкового разнообразия (Государственные..., 1995). В этот период закладывались основы понимания того, что языковая реформа становится важнейшей частью национально-государственного строительства.

Второй этап (2000-е – начало 2010-х годов) характеризуется появлением комплексных исследований. Особого внимания заслуживает работа фонда «Наследие Евразии» под редакцией Е. Б. Яценко, Е. В. Козиевской и К. А. Гаврилова, в которой была предпринята первая попытка ревизии состояния русского языка во всех новых независимых государствах, включая Узбекистан (Русский язык..., 2008). Исследование опиралось на анализ законодательства, статистических данных и полевых материалов. В этот же период вышли работы С. И. Зинина, детально описавшего социолингвистическую ситуацию в Узбекистане и сформулировавшего парадоксальную формулу «бесправен, но востребован» применительно к русскому языку¹. Журналистские расследования Ю. Подпоренко² и независимых авторов дополняли академическую картину живыми наблюдениями.

Наиболее продуктивным стал *третий этап* (2010–2020-е годы), когда появились фундаментальные работы К. Ю. Замятина, посвященные формированию языковой политики в российских республиках. Его исследования важны тем, что они преодолевают упрощенный инструменталистский подход, сводящий языковые реформы только к борьбе элит за власть (Замятин, 2025). Замятин показывает, что взаимодействие акторов по языковому вопросу характеризовалось не столько конфликтом интересов, сколько конфликтом идеологий, выразившимся в «националистском» и «демократическом» дискурсах. Он убедительно доказывает, что политическое решение об установлении государственных языков пришло в российские республики сверху, из центра, но должно было уточняться и адаптироваться на местном уровне. Это потребовало поиска компромиссов в каждом конкретном регионе.

Применительно к Узбекистану важным источником остаются работы, анализирующие эволюцию законодательства – от закона о языках 1989 года, где русский язык определялся как язык межнационального общения, до закона 1995 года, где упоминания о русском языке исчезли. Исследователи отмечают, что демографические процессы – сокращение численности русских с 1,65 млн в 1989 году до 1,1 млн к началу XXI века – использовались властями для обоснования сужения сферы применения русского языка.

Вместе с тем практически отсутствуют работы, рассматривающие синхронно процессы, происходившие в России и Узбекистане. Исследования по России сосредоточены на внутренней языковой политике, её противоречиях и поиске баланса

¹ Вокруг себя объединивший...: вспоминая С. И. Зинина / Русский культурный центр Узбекистана / ред. совет: А. В. Аристов и др. – Ташкент: [б. и.], 2014. – 125 с.

² Подпоренко, Ю. Ташкент – город-место или город-процесс? Некоторые представления о среде обитания в категориях пространства и времени // Диаспоры. – 2006. – № 2. – С. 230–244.

между федеральным центром и республиками. Узбекистановедческие работы, напротив, сосредоточены на национально-языковом строительстве в отдельно взятой стране. Предлагаемое исследование призвано восполнить этот пробел, предложив сравнительный анализ статуса русского языка в образовательном пространстве двух государств на протяжении трех десятилетий их постсоветского развития.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

Исследование опирается на комплекс исторических методов, включая сравнительно-исторический, позволивший сопоставить языковые процессы в России и Узбекистане, и проблемно-хронологический, давший возможность проследить изменения в законодательстве и образовательной практике на протяжении трех десятилетий. Использован системный анализ нормативно-правовых актов, статистических материалов о динамике численности русскоязычного населения, данных о количестве школ с русским языком обучения. Важную роль сыграл анализ публикаций периодической печати, отражающих общественную дискуссию по языковым вопросам. Применение историко-типологического метода позволило выявить общие закономерности языкового строительства в постсоветских государствах при сохранении национальной специфики.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Формирование системы преподавания русского языка в образовательном пространстве России и Узбекистана представляет собой длительный и многоэтапный процесс, обусловленный социально-политическими, культурными и институциональными факторами. Современные лингводидактические и межкультурные модели обучения РКИ являются результатом исторической эволюции представлений о функциях языка и целях языкового образования.

В дореволюционный период преподавание русского языка на территориях Средней Азии не имело статуса самостоятельной образовательной области. Русский язык функционировал преимущественно как язык администрации, военного управления и посреднического общения. Обучение ему носило практико-ориентированный характер и осуществлялось в ограниченном числе учебных заведений, без опоры на системную методику. Отсутствие научно обоснованных подходов к обучению русскому языку в нерусскоязычной среде обуславливало его усвоение как вспомогательного инструмента коммуникации. Вместе с тем именно в этот период формируются предпосылки для дальнейшего институционального развития языкового образования, связанные с расширением образовательной инфраструктуры и ростом потребности в межкультурном взаимодействии.

Советский этап характеризуется институционализацией преподавания русского языка и формированием единого образовательного пространства. Русский язык получает статус языка межнационального общения, что обуславливает разработку унифицированных методических подходов к его преподаванию в союзных республиках. В системе высшего образования русский язык становится обязательным компонентом подготовки специалистов, а его преподавание ориентируется на формирование практических коммуникативных навыков. Методические модели данного периода носили универсальный характер и в ограниченной степени учитывали национально-культурную специфику обучающихся. Межкультурный аспект присутствовал имплицитно, не будучи оформленным как самостоятельная педагогическая задача.

Во второй половине XX века наблюдается постепенное усложнение методических подходов. Русский язык начинает рассматриваться не только как средство коммуникации, но и как инструмент приобщения к культуре и научному знанию. Появляется интерес к социокультурным аспектам общения, что создает предпосылки для формирования межкультурного подхода, хотя он еще не получает системного

оформления. Языковая ситуация в Узбекистане после распада Советского Союза претерпела глубокие изменения, затронувшие положение русского языка во всех сферах жизни, особенно в образовании (Дашкевич, 2020, С. 12). До 1991 года в республике действовала полноценная система образования на русском языке, сложившаяся еще в советские десятилетия. В школах отводилось пять часов на обязательное изучение русского в неделю, работали русскоязычные телеканалы, выходили газеты и журналы. Русский язык перестал быть исключительно родным языком этнического русского населения: его восприняли как родной многие представители других национальностей – для большинства городских узбеков он стал вторым языком. Перелом наступил с принятием закона о языках 21 октября 1989 года, который провозгласил узбекский язык государственным, а русскому отвел роль языка межнационального общения народов СССР¹. Это был первый шаг к изменению статуса русского языка. Через шесть лет, 21 декабря 1995 года, был принят новый закон – «О государственном языке Республики Узбекистан», в котором о русском языке уже ничего не говорилось. Его функционирование, как и других национальных языков, фактически ставилось в зависимость от условий компактного проживания носителей этих языков как родных.

Последствия законодательных изменений оказались масштабными. Количество часов русского языка в школах сократилось с пяти до полутора-двух в неделю. Российские телеканалы перестали транслироваться в открытом доступе, русскоязычные печатные издания закрывались одно за другим. Начался массовый отток русскоязычного населения. Если в 1989 году численность русских в Узбекистане составляла 1,65 миллиона человек, то к началу XXI века она сократилась до 1,1 миллиона. Эта демографическая динамика использовалась властями для обоснования дальнейшего сужения сферы применения русского языка.

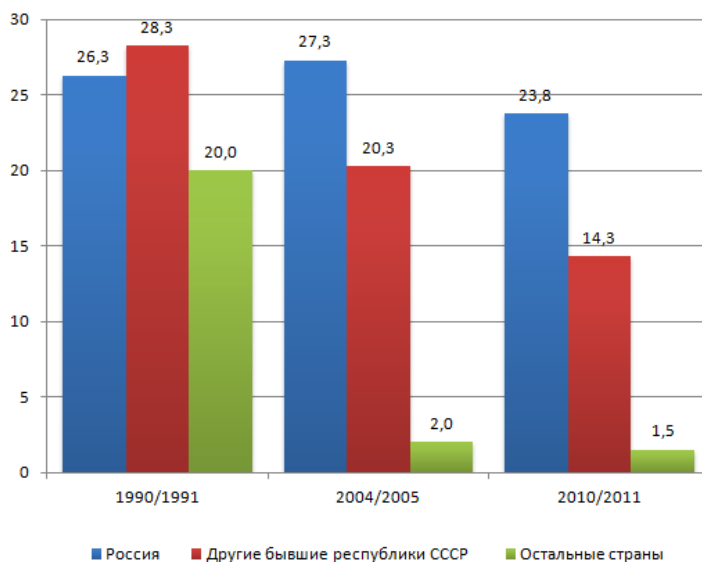

Рисунок 1 – Число обучавшихся на русском языке и изучавших русский язык в школах, учреждениях среднего профессионального образования и вузах в 1990/1991 –

¹ О государственном языке Республики Узбекистан: Закон Республики Узбекистан от 21.10.1989 г. № 3561-XI (старая редакция). [Электронный ресурс]. – Режим доступа свободный. – URL: [https://kadrovik.uz/uz/doc?id=290474_zakon_respubliki_uzbekistan_ot_21_10_1989_g_o_gosudarstvennom_yazyke_respubliki_uzbekistan_\(staraya_redakciya\)&prodid=1_vse_zakonodatelstvo_uzbekistana](https://kadrovik.uz/uz/doc?id=290474_zakon_respubliki_uzbekistan_ot_21_10_1989_g_o_gosudarstvennom_yazyke_respubliki_uzbekistan_(staraya_redakciya)&prodid=1_vse_zakonodatelstvo_uzbekistana) (дата обращения: 12.12.2025).

2010/2011 учебных годах, млн человек¹

Figure 1 – Number of students studying in Russian and those studying Russian in schools, secondary vocational education institutions and universities in the 1990/1991-2010/2011 academic years, million people.

Статистика школьного образования наглядно отражает произошедшие изменения. В 1990/1991 учебном году в Узбекистане насчитывалось 312 полностью русскоязычных школ и 1505 билингвальных учебных заведений, где обучение велось на двух языках. К 2010/2011 году количество русскоязычных школ сократилось до 119, а билингвальных – до 580. Механизм вытеснения русского языка был постепенным: сначала в школах вводилось преподавание ряда предметов на государственном языке, затем русскоязычных учащихся сводили в отдельные классы, прием в первые классы с обучением на русском прекращался, и через несколько лет школа становилась полностью узбекоязычной.

Показательна история факультета русской филологии в Ферганском государственном университете. Основанный в 1936 году, он просуществовал до 1993 года, а затем был преобразован в отделение русского языка в составе филологического факультета. Количество студентов резко сократилось – до одной группы в 25 человек. Преподаватели отмечают, что если раньше в университет приходили абитуриенты, уже владевшие русским языком, то с годами задача изменилась: сначала студентов приходилось учить русскому языку и только потом давать специальность.

Наиболее драматично ситуация складывалась в сельской местности. В 2008 году преподаватели фиксировали, что национальные группы, куда поступали выпускники сельских школ, практически не говорили по-русски. В то же время в городах, особенно в Ташкенте, русский язык сохранял более прочные позиции. Географическое распределение русскоязычного населения всегда имело анклавный характер, концентрируясь в крупных городах. Сложности возникли и с переходом узбекского языка на латинскую графику, что создало дополнительный разрыв между поколениями. Молодые люди, изучавшие латиницу, испытывали трудности при восприятии кириллицы, на которой традиционно преподавался русский язык. В результате, по наблюдениям педагогов, поколение, родившееся после 1991 года, русским языком практически не владело (Тураев, 2004). Однако к концу 2010-х годов обозначились признаки переосмысления роли русского языка (Маркова, 2010). В 2012 году русский язык вновь разрешили использовать при оформлении документов в органах ЗАГС. В 2017 году в Узбекском государственном университете мировых языков открылся Центр русского языка при участии представительства Россотрудничества, которому передали учебную и художественную литературу, аудио- и видеоматериалы. Специальный представитель Президента России по международному культурному сотрудничеству Михаил Швыдкой назвал это событие важным шагом в укреплении сотрудничества двух стран в сфере образования². Таким образом, за три постсоветских десятилетия русский язык в Узбекистане прошел путь от высокого статуса официального языка, закрепленного в конституции, до фактического вытеснения из официальной сферы, а затем к возвращению интереса, продиктованному прагматическими соображениями – массовой трудовой миграцией в Россию, потребностью в квалифицированных кадрах и востребованностью российского

¹ Арефьев, А. Все меньше школьников обучаются на русском языке. [Электронный ресурс]. – Режим доступа свободный. – URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2013/0571/tema03.php> (дата обращения: 12.12.2025).

² В Узбекистане возвращается интерес к русскому языку. [Электронный ресурс]. – Режим доступа свободный. – URL: https://www.pravfond.ru/press-tsentr/stati/v_uzbekistane_vozvrashchaetsya_interes_k_russkomu_yazyku_2456/ (дата обращения: 12.12.2025).

образования (Образ России..., 2005, С. 34). При этом правовой статус русского языка остался неопределенным: он не имеет официального положения, но продолжает выполнять функции языка межнационального общения, образования и доступа к информации.

В Российской Федерации в 1990-е годы, в отличие от Узбекистана, вектор языковой политики был направлен на возрождение национальных языков. Закон об образовании 1992 года создал правовые основы для этого процесса. Статья 6 закона закрепляла право граждан на получение основного общего образования на родном языке и гарантировала создание необходимого числа соответствующих образовательных учреждений¹. Вопросы изучения государственных языков республик в составе Российской Федерации, согласно закону, регулировались законодательством самих республик (Замятин, 2024, С. 139).

Показатели	1990-1991 учебный год	2010-2011 учебный год	Изменения за 1990-1991 2010-2011 гг.
Число обучавшихся на русском языке, тыс.чел.	9186,4	3034,0	-6152,4
Количество русскоязычных начальных и средних школ, гимназий, лицеев	13132	5015	-8117
Количество билингвальных начальных и средних школ, гимназий, лицеев (с классами/параллелями на русском языке)	5378	3849	-1529

Рисунок 2 – Русскоязычное школьное образование в бывших республиках СССР за пределами России в 1990/1991 и 2010/2011 учебных годах²

Figure 2 – Russian-language school education in the former Soviet republics outside Russia in the 1990/1991 and 2010/2011 academic years.

Это стимулировало возвращение родных языков в школу. Однако в ряде республик, прежде всего в Татарстане, реализация этого права привела к серьёзным противоречиям. Согласно законам Татарстана татарский и русский языки как государственные языки республики должны были изучаться в равных объемах. На практике это означало, что часы на изучение татарского языка увеличивались за счет сокращения часов на русский язык. Как отмечал эксперт Раис Сулейманов, русский школьник в Татарстане изучал русский язык 5 часов в неделю, тогда как в других регионах России – 9 часов. За 11 лет обучения разница составляла около 700 часов. В Башкортостане ситуация была схожей: в старших классах на изучение русского языка отводилось 2 часа в неделю, а на башкирский – 5–6 часов.

Такое положение вызывало многочисленные обращения граждан в органы власти. Родители русских детей справедливо возмущались: зачем обучать русских детей татарскому или башкирскому языкам в таком объеме, если эти языки объективно мало пригодятся им в жизни, да еще и делать это за счет сокращения часов на русский язык? Особенно остро проблема проявилась после введения ЕГЭ в 2007 году, когда экзамен по русскому языку стал одним из главных (Замятин, 2025, С. 127). Чтобы успешно его сдать, детям приходилось нанимать репетиторов, компенсируя недополученные в

¹ Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 08.03.2026) // СЗ РФ. – 2012. – № 53 (Ч. 1). – Ст. 7598; 2026. – № 10. – Ст. 1064.

² Арефьев, А. Все меньше школьников обучаются на русском языке. [Электронный ресурс]. – Режим доступа свободный. – URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2013/0571/tema03.php> (дата обращения: 12.12.2025).

школе часы. Проблема дошла до Конституционного суда. В 2004 году суд рассмотрел дело по жалобе гражданина С. И. Хапугина¹, который оспаривал нормы республиканских законов об обязательном изучении татарского языка в равном объеме с русским. Суд признал право республик устанавливать свои государственные языки, но подчеркнул, что они должны изучаться в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами, устанавливаемыми Российской Федерацией. Новый этап в развитии языковой политики наступил с принятием в 2007 году федерального закона № 309-ФЗ, который убрал из образовательного законодательства компонентный принцип структурирования стандартов. В 2017 году ситуация была окончательно урегулирована: обязательное изучение татарского языка в Татарстане отменили, сократив учебные часы с шести до двух в неделю с обязательным письменным заявлением родителей о добровольности изучения. В результате была восстановлена норма федерального законодательства, гарантирующая изучение русского языка в полном объеме при добровольности изучения национальных языков республик.

Страна	1990-1991	2000-2001	2010-2011	Изменения количества русскоязычных/ билингвальных школ, гимназий, лицеев за 1990/91 - 2010/11гг.
	Количество русскоязычных/ билингвальных школ, гимназий, лицеев	Количество русскоязычных/ билингвальных школ, гимназий, лицеев	Количество русскоязычных/ билингвальных школ, гимназий, лицеев	
Украина	4297+1158	2399+1270	1149+1350	-3148/-192
Белоруссия	1655+154	1510+149	1370+122	-285/-32
Молдавия	429+129	297+93	240+84	-189/-45
Приднестровье	-	122+15	114+18	-
Казахстан	5209+652	2406+2138	1524+519	-3685/133
Узбекистан	312+1505	161+644	119+580	-193/-925
Киргизия	187+338	162+420	162+420	-25/+82
Таджикистан	108+295	3+100	15+162	-93/-133
Туркмения	150+0	92+56	1+20	-149/+20
Азербайджан	93+456	31+374	17+336	-76/-120
Армения	103+140	6+52	4+36	-99/-104
Грузия	220+280	167+119	2+63	-218/-127
Абхазия	-	-	49+16	-
Южная Осетия	-	-	54+0	-
Латвия	195+145	168+152	103+73	-92/-72
Литва	85+103	68+60	34+22	-51/-81
Эстония	98+23	66+38	58+28	-40/+5
Всего	13132+5378	7645+5645	5015+3849	-8117/-1529

Рисунок 3 – Динамика изменения количества школ с обучением на русском языке в бывших республиках СССР в 1990/1991, 2000/2001 и 2010/2011 учебных годах²

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 16 ноября 2004 года № 16-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 10 Закона Республики Татарстан «О языках народов Республики Татарстан», части второй статьи 9 Закона Республики Татарстан «О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан», пункта 2 статьи 6 Закона Республики Татарстан «Об образовании» и пункта 6 статьи 3 Закона Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина С. И. Хапугина и запросами Государственного Совета Республики Татарстан и Верховного Суда Республики Татарстан».

² Арефьев, А. Все меньше школьников обучаются на русском языке. [Электронный ресурс]. –

Figure 3 – Dynamics of changes in the number of schools teaching in Russian in the former republics of the USSR in the 1990/1991, 2000/2001 and 2010/2011 academic years.

Проведенное исследование позволяет выявить принципиальное различие в подходах России и Узбекистана к языковому строительству в постсоветский период. Эти различия обусловлены не только разницей исторических путей двух государств, но и тем, какие задачи решались в каждой стране в области языковой политики, какие вызовы приходилось преодолевать и какие компромиссы искать. В 1989 году Узбекистан избрал путь форсированного утверждения титульного языка в качестве единственного государственного, а русскому отвёл первоначально роль языка межнационального общения, но в 1995 году в Законе «О государственном языке Республики Узбекистан» о русском языке уже ничего не говорилось. Последствия этого решения оказались масштабными. Количество часов русского языка в школах сократилось с пяти до полутора-двух в неделю. Российские телеканалы перестали транслироваться в открытом доступе, русскоязычные печатные издания закрывались. Начался массовый отток русскоязычного населения: численность русских в Узбекистане сократилась с 1,65 миллиона в 1989 году до 1,1 миллиона к началу XXI века. Количество русскоязычных школ уменьшилось с 312 до 119, билингвальных – с 1505 до 580. В сельской местности русский язык практически перестал изучаться, и поколение, родившееся после 1991 года, им уже не владело. Однако полного исчезновения русского языка из жизни общества не произошло. В городах, особенно в Ташкенте, русский язык сохранял более прочные позиции. Он оставался языком межнационального общения старшего поколения, средством доступа к технической информации, языком профессиональной коммуникации во многих сферах. Как точно сформулировал исследователь С. И. Зинин, русский язык в Узбекистане оказался «бесправен, но востребован»¹. Это создало ситуацию маргинализации языка при сохранении его практической значимости. Русский язык был вытеснен из официальной сферы, из системы образования, из общественной жизни, но продолжал использоваться людьми в повседневном общении, в профессиональной деятельности, в семье.

К 2010-м годам прагматические соображения – массовая трудовая миграция в Россию, потребность в подготовке квалифицированных кадров, востребованность российского образования – привели к некоторому переосмыслению роли русского языка. Открылись филиалы российских вузов, возобновились программы повышения квалификации учителей-русистов, квоты приема на отделения русского языка в университетах выросли. Но правовой статус русского языка остался неизменным. Противоречие между правовым положением и реальной ролью в жизни общества сохранилось. Россия в 1990-е годы столкнулась с противоположной задачей. Здесь требовалось не утверждение титульного языка, поскольку русский язык и так имел доминирующее положение, а поиск баланса между сохранением единого образовательного пространства и правом народов России на изучение родных языков. Закон об образовании 1992 года стимулировал возвращение национальных языков в школы. В республиках вводилось обязательное изучение государственных языков этих республик наряду с русским.

Однако в ряде республик, прежде всего в Татарстане и Башкортостане, реализация этого права привела к сокращению часов преподавания русского языка. Как отмечал эксперт Раис Сулейманов, русский школьник в Татарстане изучал русский язык

Режим доступа свободный. – URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2013/0571/tema03.php> (дата обращения: 12.12.2025).

¹ Вокруг себя объединивший...: вспоминая С. И. Зинина / Русский культурный центр Узбекистана / ред. совет: А. В. Аристов и др. – Ташкент: [б. и.], 2014. – С. 17.

5 часов в неделю, тогда как в других регионах России – 9 часов. За 11 лет обучения разница составляла около 700 часов. Родители справедливо возмущались: зачем обучать русских детей татарскому или башкирскому языку в таком объеме, если эти языки объективно мало пригодятся им в жизни, да ещё и делать это за счёт сокращения часов на русский язык? Проблема потребовала вмешательства Конституционного суда. В 2004 году суд подтвердил право республик устанавливать свои государственные языки, но подчеркнул, что они должны изучаться в соответствии с федеральными образовательными стандартами, устанавливаемыми Российской Федерацией. Окончательно ситуация была урегулирована в 2017 году: обязательное изучение татарского языка в Татарстане отменили, оставив два часа в неделю с обязательным письменным заявлением родителей о добровольности изучения. Таким образом, если Узбекистан прошел путь форсированного утверждения титульного языка, приведшего к маргинализации русского при сохранении его практической востребованности, то Россия оказалась перед необходимостью выработки сложных компромиссных решений (Дашкевич, 2020). В России требовалось найти баланс между правом народов на сохранение и развитие своих языков и необходимостью сохранения единого образовательного пространства с гарантированным объемом преподавания русского языка. Этот баланс искали и находили через законодательные корректировки, судебные решения, политический диалог между федеральным центром и регионами. Оба пути имели свои издержки и свои достижения, оба продолжают влиять на языковую ситуацию в двух странах и сегодня.

Поворотным моментом в языковой политике Узбекистана стали 2010-е годы, когда произошло переосмысление роли русского языка, продиктованное прагматическими соображениями. Массовая трудовая миграция граждан Узбекистана в Россию, потребность в подготовке квалифицированных кадров, востребованность российского образования и научных связей – всё это заставило пересмотреть прежний курс на вытеснение русского языка из образовательного пространства. Наиболее наглядным проявлением новой политики стало активное открытие филиалов российских вузов в Узбекистане. Первый филиал – Российского государственного университета нефти и газа имени И. М. Губкина – был организован еще в 2007 году в Ташкенте для подготовки специалистов для нефтегазовой отрасли республики. Однако настоящий прорыв произошел в конце 2010-х годов. В 2019 году президент Шавкат Мирзиёев подписал указ об открытии филиала Российского государственного университета физической культуры, спорта, молодежи и туризма в Самарканде. В том же году на встрече министров иностранных дел двух стран обсуждалось открытие филиалов сразу четырех ведущих российских вузов – МЭПИ, ВГИКа, Московского энергетического института и Российского химико-технологического университета. Активное обсуждение вопроса открытия филиалов российских вузов на территории Узбекистана началось в 2017 году. Как отмечают в Московском энергетическом институте, делегации из Узбекистана стали регулярно посещать российские университеты, изучая возможности сотрудничества. У МЭИ уже тогда были хорошие связи с республикой: многие выпускники института строили свою карьеру в Узбекистане. Заместитель министра высшего и среднего специального образования Узокбой Бегимкулов лично посещал МЭИ для обсуждения вопроса открытия филиала в Ташкенте.

К 2020 году в Узбекистане уже работало десять филиалов российских университетов, как отмечал ректор МГУ Виктор Садовничий на межрегиональной онлайн-конференции. Помимо упомянутых, это филиалы МГИМО, Национального исследовательского технологического университета «МИСиС», Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ» и другие¹. В июне 2020 года

¹ Филиалы ещё шести российских вузов откроются в Узбекистане. [Электронный ресурс]. –

прошла онлайн-конференция ректоров вузов Узбекистана и России с участием более 120 высших учебных заведений, на которой обсуждались перспективы открытия филиалов Герценовского педагогического университета, Пироговского медицинского университета, Горного университета Санкт-Петербурга и Санкт-Петербургского государственного университета. Особого внимания заслуживает открытие филиала Санкт-Петербургского государственного университета в Ташкенте. В марте 2020 года между Министерством высшего и среднего специального образования Узбекистана и СПбГУ был подписан меморандум о создании первого филиала этого престижного вуза в СНГ. Заместитель министра Узокбой Бегимкулов подчеркнул, что филиал будет специализироваться на биомедицине и востоковедении – новых для Узбекистана направлениях, объединяющих передовые междисциплинарные исследования в химии, биологии, физике с участием ведущих медицинских и фармацевтических компаний республики.

Параллельно с открытием филиалов возобновились программы повышения квалификации учителей-русистов. В 2017 году в Узбекском государственном университете мировых языков открылся Центр русского языка при участии представительства Россотрудничества, которому передали учебную и художественную литературу, аудио- и видеоматериалы. Представители стран заговорили о необходимости возвращения к советскому опыту. Важно подчеркнуть, что весь этот прагматический поворот происходил при сохранении прежнего правового статуса русского языка. В законодательстве Узбекистана русский язык так и не получил официального статуса. Это создаёт известное противоречие между реальной востребованностью русского языка в образовании, науке, профессиональной сфере и его правовым положением. Тем не менее сама логика развития событий свидетельствует о том, что практические потребности – подготовка кадров, научное сотрудничество, сохранение связей с Россией – оказались сильнее идеологических установок. Русский язык в Узбекистане, не имея официального статуса, продолжает выполнять функции языка образования, межнационального общения и средства социальной мобильности.

К началу 2020-х годов в России и Узбекистане сложились принципиально различные модели функционирования русского языка в образовательном пространстве. Различия эти обусловлены не только разницей в законодательстве, но и историческими особенностями формирования языковой политики, демографическими процессами, а также геополитическим положением двух стран. В Российской Федерации к концу рассматриваемого периода была выстроена многоуровневая система регулирования языковых вопросов. Ее основу составляет Конституция РФ, гарантирующая право на изучение родных языков, и федеральные законы, устанавливающие статус русского языка как государственного языка всей страны. Закон о языках народов России, принятый еще в 1991 году, провозгласил равные права всех языков народов России на их сохранение и развитие. При этом республики в составе Российской Федерации получили право устанавливать свои государственные языки наряду с русским. Закон об образовании 1992 года создал правовые основы для использования языков народов России в образовательном процессе. Это создало уникальную для постсоветского пространства ситуацию языкового разнообразия в образовании (Русский язык..., 2008). Таким образом, в России при сохранении вариативности изучения национальных языков, при праве республик и народов на сохранение и развитие своих языковых традиций был законодательно закреплён гарантированный объём преподавания русского языка как языка, обеспечивающего единство образовательного пространства и равные возможности для всех граждан

независимо от места их проживания и этнической принадлежности. Русский язык в России имеет четкий правовой статус, его позиции в образовании защищены законом, а объем его изучения в школах нормирован федеральными государственными образовательными стандартами. В Узбекистане к началу 2020-х годов сложилась иная модель. Русский язык фактически ставится в зависимость от условий компактного проживания носителей этих языков как родных. При этом он продолжал оставаться востребованным в стране. В 2018 году Президент Узбекистана публично признал, что в погоне за английским языком в стране потеряли русский, и призвал исправлять эту ситуацию (Джуринский, 2018, С. 79). В Ферганском государственном университете квота приёма на отделение русского языка выросла до 160 человек в год при конкурсе до десяти человек на место, часы преподавания русского языка в школах стали увеличиваться. Возникает известное противоречие между правовым положением русского языка и его реальной ролью в жизни общества. Не имея официального статуса, не будучи государственным языком, не получая гарантированной поддержки от государства в том объеме, в каком ее получает узбекский язык, русский язык продолжает функционировать как язык образования, межнационального общения, средство социальной мобильности, доступа к информации, профессиональной реализации. Миллионы граждан Узбекистана выбирают русский язык для обучения своих детей, для получения высшего образования, для работы и карьеры. Этот выбор обусловлен не правовыми нормами, а практическими потребностями и объективной реальностью. Таким образом, к началу 2020-х годов мы имеем две различные модели функционирования русского языка в образовательном пространстве. В России русский язык имеет четкий правовой статус, гарантированный объем изучения и защиту со стороны государства, при этом в образовании сохраняется место для национальных языков народов страны. В Узбекистане русский язык не имеет официального статуса, но остается востребованным в образовании и жизни общества, что создает ситуацию правовой неопределенности при сохранении практической востребованности. Обе модели имеют свои достоинства и недостатки, обе продолжают развиваться и адаптироваться к меняющимся условиям.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование позволяет сделать ряд выводов относительно статуса русского языка в образовательном пространстве России и Узбекистана в постсоветский период.

В Узбекистане эволюция языковой политики прошла несколько этапов. В первые годы независимости русский язык, обладавший в советское время высоким статусом и реальной востребованностью, оказался фактически вытеснен из официальной сферы. Закон о языках 1989 года и последующие нормативные акты закрепили за узбекским языком исключительное положение государственного. Количество часов русского языка в школах сократилось с пяти до полутора-двух в неделю, закрывались русскоязычные телеканалы, печатные издания, массовый характер приобрел отток русскоязычного населения. К концу 1990-х годов русский язык сохранял значение главным образом как язык межнационального общения старшего поколения и средство доступа к технической информации. Однако уже в 2010-е годы обозначилась обратная тенденция. Массовая трудовая миграция в Россию, необходимость подготовки квалифицированных кадров, востребованность российского образования привели к переосмыслению роли русского языка. Открытие филиалов российских вузов в Ташкенте и других городах, возобновление программ повышения квалификации учителей-русистов, заявления представителей Министерства образования Узбекистана о необходимости возвращения к советскому опыту подготовки филологов-русистов свидетельствуют о прагматическом повороте. При этом русский язык остается в Узбекистане языком межнационального общения, но не имеет официального статуса,

что создает известное противоречие между его реальной востребованностью и правовым положением.

В России развитие языковой ситуации определялось поиском баланса между сохранением единого образовательного пространства и правом народов на изучение родных языков. Законодательство 1990-х годов стимулировало развитие национальных языков. Однако в ряде республик, прежде всего в Татарстане и Башкортостане, сложилась ситуация, при которой изучение русского языка сокращалось в пользу национальных. Это вызвало обращения граждан в органы власти и в конечном счёте привело к корректировке курса. Решения Конституционного суда 2004 года и последующие изменения в законодательстве 2017 года закрепили добровольность изучения государственных языков республик при сохранении гарантированного объема преподавания русского языка. Сравнительный анализ позволяет увидеть как различия, так и сходство в подходах двух государств. Узбекистан прошёл путь от почти полного вытеснения русского языка к осознанию его практической ценности. Россия, напротив, начав с широкой поддержки национальных языков, была вынуждена корректировать курс, столкнувшись с угрозой сужения сферы применения русского языка внутри страны. Общим для обеих стран является признание важности языкового вопроса для национального строительства и поиск таких моделей языковой политики, которые учитывали бы как национальные интересы, так и практические потребности граждан. Дальнейшее развитие ситуации будет зависеть от многих факторов, включая демографические процессы, экономические связи и политическую волю руководства обеих стран.

Список литературы:

1. Андрюхина, Л. М. Формирование компетенций XXI века: методологии форсайта, адорнации и деконструкции / Л. М. Андрюхина, К. В. Ваваева, Л. А. Комличенко // Инновационная научная современная академическая исследовательская траектория (ИНСАЙТ). – 2021. – № 2(5). – С. 65–81. – DOI 10.17853/2686-8970-2021-2-65-81. – EDN UTTVVN.
2. Выготский, Л. С. Психология развития. Избранные работы / Л. С. Выготский. – 1-е изд. – Москва: Издательство Юрайт, 2017. – 302 с. – (Антология мысли). – ISBN 978-5-534-02390-9. – EDN ZSXDMD.
3. Галагузова, М. А. Социальная педагогика в России: история и современность / М.А. Галагузова // Педагогическое образование в России. – 2014. – № 4. – С. 205–208. – EDN SLCCEH.
4. Гершунский, Б. С. Философия образования для XXI века // Б. С. Гершунский. – Москва: РГБ, 2008. – 311 с. – EDN QWSPYT.
5. Государственные языки в Российской Федерации: Энциклопедический словарь-справочник / И. Х. Абдуллаев, М. Е. Алексеев, И. А. Андреев [и др.]. – Москва: Academia, 1995. – 400 с. – ISBN 5-87444-029-1. – EDN XBTCRR.
6. Дашкевич, С. С. Поликультурное образование в современном вузе / С. С. Дашкевич, О. Г. Буденис // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е. Педагогические науки. – 2020. – № 15. – С. 11–14. – EDN OZLMGM.
7. Джурицкий, А. Н. Поликультурное образование в многонациональном социуме / А. Н. Джурицкий. – 2-е изд., пер. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2018. – 257 с. – ISBN 978-5-534-00645-2. – EDN NIVRTJ.
8. Загвязинский, В. И. Методология и методика дидактического исследования / В.И. Загвязинский. – Москва: ООО «Педагогика», 1982. – 160 с. – EDN RJOSTR.
9. Загвязинский, В. И. Теория обучения и воспитания / В. И. Загвязинский, И. Н. Емельянова. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство ЮРАЙТ», 2019. – 230 с. – ISBN 978-5-

9916-9831-3. – EDN VWLQLW.

10. Замятин, К. Ю. От языка нации к языку цивилизации: формирование государственной языковой политики России / К. Ю. Замятин // Вестник Пермского университета. Политология. – 2025. – Т. 19, № 3. – С. 122–132. – DOI 10.17072/2218-1067-2025-3-122-132. – EDN ILNZLW.

11. Замятин, К. Ю. Почему у нас не получается сохранять языковое многообразие? (I) сохранение языков России, языковая политика и языковая ревитализация / К. Ю. Замятин // Вестник Пермского университета. Политология. – 2024. – Т. 18, № 3. – С. 137–149. – DOI 10.17072/2218-1067-2024-3-137-149. – EDN ROSKGC.

12. Замятин, К. Ю. Почему у нас не получается сохранять языковое многообразие? (II) проблемы практики языковой политики и ревитализации при разработке Программы сохранения языков / К. Ю. Замятин // Вестник Пермского университета. Политология. – 2024. – Т. 18, № 4. – С. 6–19. – DOI 10.17072/2218-1067-2024-4-6-19. – EDN UIPIRX.

13. Зеер, Э. Ф. Психология профессионального развития / Э.Ф. Зеер, Э.Э. Сыманюк. – 3-е издание, исправленное и дополненное. – Москва: ООО Издательство «Юрайт», 2022. – 234 с. – ISBN 978-5-534-14387-4. – EDN VIAMGN.

14. Зимняя, И. А. Педагогическая психология / И. А. Зимняя; И. А. Зимняя. – Изд. 2-е, доп., испр. и перераб. – Москва: Логос, 2009. – ISBN 978-5-98704-442-1. – EDN QXYFKB.

15. Исхаков, Р. Х. Инклюзия как социально-образовательный феномен цивилизованного общества: перезагрузка / Р. Х. Исхаков, Э. Ф. Киреева // Стратегические ориентиры современного образования. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2020. – С. 281–284. – DOI 10.26170/Kso-2020-288. – EDN WGNKUV.

16. Ким, А. С. Российская этнополитология в условиях этнополитической конфликтности / А. С. Ким, Е. Ю. Довгополов // Этносоциум и межнациональная культура. – 2016. – № 11(101). – С. 24–35. – EDN ХКРНЕР.

17. Киреева, Э. Ф. Актуальные тенденции воспитания студентов в профессиональных образовательных организациях / Э. Ф. Киреева // Профессионально-педагогическая культура учителя и преподавателя: тенденции, инновации, технологии воспитательной деятельности: Сборник материалов IX Международной научно-практической конференции, посвященной Году педагога и наставника в России, Белгород, 07–08 апреля 2023 года / Отв. редакторы И.Ф. Исаев, Н.Л. Шеховская. – Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2023. – С. 166–169. – EDN TZPWNX.

18. Киреева, Э. Ф. Формирование личности педагога-профессионала в системе непрерывного профессионального образования: акмеологический подход / Э. Ф. Киреева // Акмеология профессионального образования: Материалы 15-й Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 13–14 марта 2019 года. – Екатеринбург: Российский государственный профессионально-педагогический университет, 2019. – С. 30–33. – EDN VXTTWK.

19. Маркова, Н. Г. Формирование культуры межнациональных отношений студентов в поликультурном образовательном пространстве вуза: специальность 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и образования»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Маркова Надежда Григорьевна. – Казань, 2010. – 40 с. – EDN QHDJXV.

20. Образ России на постсоветском пространстве / Ун-т Рос. акад. образования. – Сергиев Посад: Весь Сергиев Посад, 2005. – 62 с. – ISBN 5-93585-070-2. – EDN QUTCVL.

21. Профессиональная педагогика / С. Я. Батышев, Г. М. Романцев, Б. С. Гершунский [и др.]. – Москва: Ассоциация «Профессиональное образование», 1997. – 512 с. – ISBN 5-85449-092-7. – EDN ZDVSEX.

22. Русский язык в новых независимых государствах: результаты комплексного

исследования / [Гаврилов К. А. и др.; под ред.: Е. Б. Яценко, Е. В. Козиевской, К. А. Гаврилова]; Фонд «Наследие Евразии». – Москва: Наследие Евразии, 2008. – 176 с. – ISBN 5-901787-55-2. – EDN QTMGLF.

23. Сравнительно-историческое изучение языков разных семей: Теория лингвистической реконструкции / Н. З. Гаджиева, В. К. Журавлев, М. А. Кумахов [и др.]. – Москва: Академический научно-издательский, производственно-полиграфический и книгораспространительский центр РАН «Издательство «Наука», 1988. – 238 с. – ISBN 5-02-010869-3. – EDN SFHQXF.

24. Тураев, В. А. Этнополитология / В. А. Тураев. – Москва: ООО «Издательская группа «Логос», 2004. – 387 с. – ISBN 5-94010-274-3. – EDN QOCQWJ.

Сведения об авторе:

КИРЕЕВА Эльвина Фларитовна, доктор философии по педагогическим наукам (PhD.), Российский государственный университет имени А. И. Герцена, Ташкентский филиал, адрес: 100070, Узбекистан, г. Ташкент, ул. Бабура, д. 55, e-mail: kireeva-elvina@mail.ru

 SPIN-код: 8828-4787, AuthorID: 1067544

 ORCID <https://orcid.org/0000-0002-1830-4630>

References:

1. Andryukhina, L. M., Vavaeva, K. V. and Komlichenko, L. A. (2021) The XXI Century Competencies Formation: the Methodology of Foresight, «Adornation» and Deconstruction. Innovative Scientific Modern Academic Research Trajectory (INSIGHT), no. 2 (5). pp. 65-81. DOI 10.17853/2686-8970-2021-2-65-81. (In Russ.). EDN UTTVVN.
2. Vygotsky, L. S. (2017) Developmental Psychology. Selected Works/1st ed. Moscow: Yurait Publishing House. 302 p. ISBN 978-5-534-02390-9. (In Russ.). EDN ZSXDMD.
3. Galaguzova, M. A. (2014) Social Pedagogy in Russia: History and the Present State. Pedagogical Education in Russia. no. 4. pp. 205-208. (In Russ.). EDN SLCCEH.
4. Gershunsky, B. S. (2008) Philosophy of Education for the 21st century. Moscow: RSL. 311 p. (In Russ.). EDN QWSPYT.
5. National Languages of the Russia Federation: Encyclopedic dictionary-reference book. – Moscow: Academia, 1995. 400p. ISBN 5-87444-029-1. (In Russ.). EDN XBTCCR.
6. Dashkevich, S. S. and Budenis, O. G. (2020) Multicultural Education in Modern Higher Educational Establishments, Bulletin of Polotsk State University, Series E. Pedagogical Sciences. no. 15, pp. 11-14. (In Russ.). EDN OZLMGM.
7. Dzhurinsky, A. N. (2018) Multicultural Education in a Multinational Society. 2nd ed, trans. and add. Moscow: Yurait Publishing House. 257 p. ISBN 978-5-534-00645-2. (In Russ.). EDN NIVRTJ.
8. Zagvyazinsky, V. I. (1982) Methodology and Methods of Didactic Research / V.I.Zagvyazinsky. Moscow: LLC «Pedagogy». 160 p. (In Russ.). EDN RJOSTR.
9. Zagvyazinsky, V. I. and Emelianova, I.N. (2019) Theory of Training and Education. 2nd edition, revised and supplemented, Moscow: Limited Liability Company «Izdatelstvo YURAYT». 230 p. ISBN 978-5-9916-9831-3. (In Russ.). EDN VWLQLW.
10. Zamyatin, K. Yu. (2025) From the language of the nation to the language of civilization: the formation of the state language policy of Russia. Bulletin of Perm University. Political Science. vol. 19, no. 3. p. 122-132. – DOI 10.17072/2218-1067-2025-3-122-132. (In Russ.). EDN ILNZLW.
11. Zamyatin, K. Yu. (2024) From the Language of a Nation to the Language of a Civilization: the Formation of Russia's State Language Policy / K. Yu. Zamyatin // Bulletin of Perm University. Political Science. vol. 18, no. 3. p. 137-149. DOI 10.17072/2218-1067-2024-3-137-149. (In Russ.). EDN ROSKGC.
12. Zamyatin, K. Yu. (2024) Why Can't We Preserve Linguistic Diversity? (II) Problems of Language Policy Implementation and Revitalization in Drafting a Language Preservation Program. Bulletin of Perm University. Political Science. vol. 18, no. 4. pp. 6-19. DOI 10.17072/2218-1067-2024-4-6-19. (In Russ.). EDN UIPIRX.
13. Zeer, E. F. (2022) Psychology of Professional Development, Symanyuk, E. E., 3rd edition, corrected and supplemented. Moscow: LLC Izdatelstvo «Urait». 234 p. ISBN 978-5-534-14387-4. (In Russ.). EDN BIAMGN.
14. Zimnyaya, I. A. (2009) Pedagogical Psychology. 2nd ed., suppl., corr. and revis. Moscow: Logos. ISBN 978-5-98704-442-1. (In Russ.). EDN QXYFKB.
15. Iskhakov, R. Kh. and Kireeva, E. F. (2020) Inclusion as a Socio-Educational Phenomenon of a Civilized Society: Rebooting, Strategic guidelines for modern education. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University. p. 281-284. DOI 10.26170/Kso-2020-288. (In Russ.). EDN WGHKUV.
16. Kim, A. S. and Dovgoplov, E. Yu. (2016) Russian Ethnopolitical Science in the Context of Ethnopolitical Conflict Potential, Ethnosociety and interethnic culture. no. 11 (101). p.24-35. (In Russ.). EDN XKPHEP.
17. Kireeva, E. F. (2023) Current Trends in the Education of Students in Professional Educational Organizations. Professional and Pedagogical Culture of Teachers and Lecturers: Trends, Innovations, Technologies of Educational Activities: Collection of Materials from the IX

International Scientific and Practical Conference Dedicated to the Year of the Teacher and Mentor in Russia, Belgorod, April 7-8. Belgorod: Belgorod State National Research University, 2023. p. 166-169. (In Russ.). EDN TZPWNX.

18. Kireeva, E. F. (2019) Formation of the Personality of a Teacher-Professional in the System of Continuous Professional Education: Acmeological Approach. Acmeology of Professional Education: Proceedings of the 15th International Scientific and Practical Conference, Yekaterinburg, March 13–14. Yekaterinburg: Russian State Professional Pedagogical University, 2019. p. 30-33. (In Russ.). EDN VXTTWK.

19. Markova, N. G. (2010) Formation of a Culture of Interethnic Relations of Students in the Multicultural Educational Space of the University: specialty 13.00.01 «General Pedagogy, History of Pedagogy and Education»: abstract of a dissertation for the degree of Doctor of Pedagogical Sciences. Kazan. 40 p. (In Russ.). EDN QHDJXV.

20. The Image of Russia in the Post-Soviet Space. University of the Russian Academy of Education. - Sergiev Posad: Ves' Sergiev Posad, 2005. 62 p. ISBN 5-93585-070-2. (In Russ.). EDN QUTCVL.

21. Professional Pedagogics. S. Ya. Batyshev, G. M. Romantsev, B. S. Gershunsky [et al.]. Moscow: Association «Professional Education», 1997. 512 p. ISBN 5-85449-092-7. (In Russ.). EDN ZDVSEX.

22. Russian language in the Newly Independent States: results of a comprehensive study. Gavrilov K. A. et al.; edited by: E. B. Yatsenko, E. V. Kozievskaya, K. A. Gavrilova; Eurasian Heritage Foundation. Moscow: Eurasian Heritage, 2008. 176 p. ISBN 5-901787-55-2. (In Russ.). EDN QTMGLF.

23. Comparative-historical Study of Languages of Different Families: Theory of Linguistic Reconstruction. N. Z. Gadzhieva, V. K. Zhuravlev, M. A. Kumakhov et al. Moscow: Academic Scientific Publishing, Production, Printing and Book Distribution Center of the Russian Academy of Sciences «Nauka Publishing House», 1988. 238 p. ISBN 5-02-010869-3. (In Russ.). EDN SFHQXF.

24. Turaev, V. A. (2004) Ethnopolitical Science. – Moscow: Logos Publishing Group. 387p. ISBN 5-94010-274-3. (In Russ.). EDN QOCQWJ.

Authors:

KIREEVA Elvina Flaritovna, PhD in Philosophy of Pedagogic Sciences, Herzen State Pedagogical University of Russia, branch, address: 55 Babura St., Tashkent, 100070, Uzbekistan, e-mail: kireeva-elvina@mail.ru

SPIN-код: 8828-4787, AuthorID: 1067544

ORCID <https://orcid.org/0000-0002-1830-4630>

Конфликт интересов: автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и/или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and/or publication of this article.

© Киреева Э. Ф., 2026

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons NonCommercial license <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>